

— Бэй Тинтин! — раздался из двора гневный окрик Цинь Цзяня.

Бэй Тинтин, которая по привычке забралась под одеяло к Линь Юэ, лишь чмокнула во сне губами и сильнее прижалась к подруге, даже не подозревая, какая печальная участь ждет её в ближайшем будущем.

С того дня жизнь Бэй Тинтин стала ещё тяжелее, но именно эти испытания заложили прочный фундамент для её будущего пути в мире боевых искусств, позволив со временем даже превзойти свою наставницу — Линь Юэ.

Цветы расцветали и опадали, ветви деревьев оголялись, а затем вновь покрывались густой листвой, и всё это пролетало, словно одно мгновение.

За эти годы девушки прославились в цзянху. Поскольку они были неразлучны, их стали называть Ледяным и Огненным Фениксами. Одна — холодная, как лед, другая — пылкая, как пламя, они называли друг друга сестрами, чем вызывали у некоторых порочных людей фантазии, подобные легендам о женах древних императоров.

Несколько лет назад Цинь Цзянь, найдя подходящий предлог, выставил за порог двух учениц, которые постоянно отвлекали на себя внимание его супруги. Он хотел выгнать и собственного сына, но пожалел его, да и жена была против. Пришлось терпеть присутствие сына, мозолящего глаза. Теперь же, видя, что Цинь Цин подрос, Цинь Цзянь, как только Линь Юэ с подругой вернулись домой, схватил жену госпожу Жун и, применив цингун, поспешно скрылся, оставив сына один на один с двумя сестрами.

— Старшая сестра, папа, кажется, больше меня не хочет, — Цинь Цин надул губы, готовый вот-вот расплакаться.

— Цинцин, тебе уже восемь лет, ты большой мальчик. Как можно плакать? Мужчина не должен проливать слезы из-за таких пустяков, понимаешь? — Линь Юэ, набившая руку на воспитании Тинтин, говорила с ним полушутя, полустрого.

Цинь Цин послушно перестал плакать, но его покрасневший нос и сморщенное лицо выглядели донельзя комично.

Бэй Тинтин не выдержала и прыснула со смеху.

— Уа-а, сестра Тинтин злая! — Цинь Цин обиделся, отвернулся и надулся, но, поняв, что отец вовсе не собирается его бросать, успокоился и больше не капризничал.

— Хорошо, в этот раз возьмем тебя с собой в Цзяннань, только постарайся по дороге не хныкать, — Линь Юэ взъерошила волосы мальчика. Цинь Цин был всем хорош, кроме своей плаксивости. Удивительно, как у такого великого мастера, как его отец, вырос такой

чувствительный сын. Наверное, пошел в мать.

Однако Линь Юэ ошибалась. Цинь Цин был плаксой лишь потому, что однажды случайно обнаружил: стоит ему заплакать, как все вокруг начинают его жалеть. Вот насколько важно для ребенка видеть правильный пример отношений между родителями.

Поторапливаясь, они успели вернуться домой как раз к празднику Дуанью. Ма Цзяоян, обнимая Линь Юэ, то плакала, то смеялась, а потом упрекнула:

— Ах ты, негодница, столько времени тебя не было, совсем забыла дорогу домой.

Отчитав Линь Юэ, она притянула к себе Бэй Тинтин и участливо спросила:

— Тинтин, почему ты снова похудела? Юэ-эр опять не давала тебе есть? Нужно её проучить.

— С чего это я не давала ей есть? — вмешалась Линь Юэ. — Это учитель не разрешал, сама виновата, что была такой озорной.

— Сестра, как ты можешь так говорить! — Бэй Тинтин сделала вид, что мир рухнул. Человек вроде тот же, а наговаривает на неё нещадно.

— Ой, а это чей ребенок? — Ма Цзяоян, не обращая внимания на перепалку девушек, заметила Цинь Цина и ущипнула его за щечку, улыбаясь самой доброжелательной улыбкой.

Она не знала, что Цинь Цин больше всего на свете боится таких тетушек. Он был миловидным мальчиком, а его мать — женщиной отзывчивой, поэтому, стоило им выйти в свет, как он тут же попадал в плен чьих-то объятий. Он спрятался за спину Линь Юэ, но это движение лишь ещё больше взволновало Ма Цзяоян:

— Ой, какой прелестный ребенок! Ну же, скажи тете, как тебя зовут?

Цинь Цин, оказавшись в объятиях Ма Цзяоян, растерялся и в мольбе посмотрел на сестер, но те, продолжая спорить, уже направлялись в дом. Постойте... сестры! Вы ведь должны были присматривать за мной!

Линь Юэ почувствовала укол совести. Если бы не Цинь Цин, который отвлекал внимание Ма Цзяоян, она бы ни за что не взяла с собой этого «зайца». А так — с ним всё проще: Ма Цзяоян не будет докучать ей разговорами о замужестве. Все довольны.

— Крестная, я вернулся! — В этот момент со двора вбежал маленький господин в шелковых одеждах, с золотым венцом на голове и в расшитых сапогах. Он выглядел опрятно и радостно, но, увидев Цинь Цина в руках Ма Цзяоян, помрачнел. — Крестная, кто это? — его голос прозвучал резко, будто у него отобрали личную вещь.

— Шунь-эр, ты вернулся! Иди скорее познакомься, это твой новый друг, его зовут Цинь Цин, —

Ма Цзяонян поманила мальчика рукой.

Маленький господин, сдерживая гнев, подошел к Цинь Цину. Ма Цзяонян взяла их за руки и соединила ладони:

— Вы должны стать хорошими друзьями, — улыбнулась она.

Мальчик был в ярости, но при Ма Цзяонян пришлось терпеть. Когда она ушла готовить угощение, он понизил голос и пригрозил Цинь Цину:

— Не смей отнимать у меня крестную!

Цинь Цин опешил:

— У меня есть мама, я не собираюсь ничего отнимать.

Эти слова заставили маленького господина бросить на него свирепый взгляд. Он был готов пустить в ход кулаки.

— Короче, здесь, на моей территории, ты должен слушаться меня, иначе... — в его глазах промелькнула жестокость.

Наблюдавшая за этим Линь Юэ замерла. Неудивительно, что мальчик показался ей знакомым. Услышав имя, она всё поняла: это же младший брат Тинтин, тот самый незаконнорожденный сын, который позже унаследует престол Си Ся. Но как он стал крестником Ма Цзяонян и младшим братом её подопечного? Она взглянула на Тинтин. Неужели этот деверь станет её братом? Мысль была занятной: по крайней мере, родственники Тинтин не будут против их союза. Линь Юэ погладила подбородок, весьма довольная таким поворотом.

Когда пришло время разливать суп, Ли Шунь подобострастно подбежал к Ма Цзяонян, взял миску и протянул Линь Юэ:

— Сестра, это для тебя, осторожно, горячо.

Линь Юэ приняла миску и улыбнулась:

— Я и не знала, что мама успела усыновить мне братишку, даже подарка с собой не взяла. — Она пошарила в рукаве. — Вот, возьми, это небольшой подарок при первой встрече. — Она протянула ему изящную нефритовую подвеску.

Ли Шунь с радостью принял подарок. Раз есть первый, будет и второй. Он взял ещё одну миску и подошел к Бэй Тинтин:

— Сестра, прошу, угощайся. — Его тон был не таким теплым, как с Линь Юэ, но вполне почтительным.

Бэй Тинтин взяла миску и, подражая Линь Юэ, сказала:

— Я тоже не подготовилась, вот, возьми этот золотой замок. — Это была безделушка, которую Линь Юэ купила по дороге и которая им была не нужна.

Ли Шунь поблагодарил и принял подарок. Он был богат и не особо ценил такие вещи. Повернувшись, он взял последнюю миску:

— Братишка, твой суп, осторожно, не обожгись. — Его улыбка была фальшивой.

Цинь Цин огляделся по сторонам:

— Но мне нечего подарить тебе в ответ... — его замешательство вызвало всеобщий смех.

— Глупыш, ты младший, тебе не обязательно, — улыбнулась Ма Цзянянь, снова пытаясь притянуть его к себе.

Цинь Цин побледнел и поспешно спрятался за спину Ли Шуня:

— Брат Ли, это нефритовая флейта, которую дал мне отец... я... я подарю её тебе...

Ли Шунь замер, глядя на флейту. Она была необычной: на ощупь холоднее обычного камня, и даже беглого взгляда хватало, чтобы понять — вещь редкая. И этот новоявленный братишка решил отдать её ему?

— Ты правда хочешь её подарить? — в его глазах появилось сложное выражение.

— Конечно! — с готовностью ответил Цинь Цин.

— Хорошо, я принимаю тебя в братья. Отныне я буду тебя защищать! — Ли Шунь ударил себя в грудь.

Фу Мяо никогда не думал, что жизнь можно начать сначала, и уж тем более не ожидал, что второй шанс обернется таким кошмаром. Он не понимал, почему всё пошло не так. В той жизни он был вторым учеником Отшельника Циньцзяня, выходцем из знатного рода, обладателем выдающихся навыков, которым восхищались в цзянху, а женщины были от него без ума. Даже если он совершил ошибку, это было лишь временное помрачение рассудка. Если бы он не убил Линь Юэ, он остался бы тем самым блистательным молодым героем. Но теперь, когда он раскаялся, жизнь сложилась иначе: Цинь Цзянь не взял его в ученики, и он стал ребенком в семье фермеров.

На самом деле, жизнь в этой семье была неплохой. Старик был управляющим усадьбой, люди они были добрые, а хозяин — пограничный генерал — не особо притеснял крестьян.

Единственной бедой было то, что у супругов не было детей. Поэтому, увидев младенца Фу Мяо, старик с радостью его усыновил. Но старик радовался, а Фу Мяо — нет.

Взрослому человеку трудно привыкнуть к жизни младенца, а если у этого младенца душа полна протеста — тем более. Фу Мяо был упрям: голоден он, хочет пить или сходить в туалет — он молчал. Он скорее готов был задохнуться, чем заплакать перед этими деревенщинами. Старик, решив, что ребенок болен, отвел его к знахарке. Та что-то бормотала, чертила знаки и напоила его отвратительным отваром. В тот же день у Фу Мяо началась рвота и понос, он был на грани смерти. И когда он уже выпускал дух, в его желудок попало что-то питательное. Позже он узнал, что это было свиное молоко.

Фу Мяо не чувствовал благодарности. В деревне были и другие кормящие женщины, но они накормили его такой мерзостью! Он был готов вывернуться наизнанку, но ничего не мог поделать. В глубине души он поклялся отомстить.

Когда Фу Мяо научился говорить, его первым словом было нет. Я не буду есть эту гадость! Женщина протягивала ему нечто похожее на кукурузную кашу — черную и липкую, как это можно есть?

Он дрался, он ругался. Старики поначалу терпели, думая, что избаловали ребенка. Когда он обижал других детей, старик кланялся и извинялся за него. Но в конце концов Фу Мяо настроил против себя всю деревню. Старикун пришлось оставить должность управляющего, и жизнь стала тяжелой. Фу Мяо, однако, продолжал вести себя как избалованный господин: это не буду, то не хочу, подавай ему всё самое лучшее.

Женщина, которая номинально была его матерью, поначалу любила его, но по мере того, как он рос, он всё чаще бил и оскорблял её. Он никогда не называл её мамой, а однажды заявил: Как ты смеешь называть себя моей матерью, если даже шелка купить не можешь?

Женщина заплакала. Её мужу тоже было нелегко.

— Если ты нами брезгуешь, уходи! Не будь больше нашим сыном! — редко проявляя твердость, сказал мужчина.

Старик пытался их мирить, но сколько бы любви ни было, всему есть предел. Он молча сидел во дворе со своей трубкой, лицо его было изрезано морщинами.

Услышав это, Фу Мяо замолчал. Он был ещё мал, сможет ли выжить в одиночку?

— Хорошо, я уйду, — он хитро прищурился. — Только отдайте мне подвеску, что была в моих пеленках, и я уйду.

— Какую подвеску? Мы ничего не видели, — переглянулись супруги.

— Не говорите, что я вас не предупреждал. Вы всего лишь простолюдины, это не то, что вам должно принадлежать! — нахмурился Фу Мяо.

— Мы растили тебя пять лет, а ты относишься к нам как к врагам! — женщина зарыдала на плече мужа.

— Нет! Когда тот человек принес тебя нам, никакой подвески не было! Мы бедны, но никогда не стали бы красть твое имущество! — воскликнул мужчина.

— Чжан Эргоу, уходи, — старик, чье сердце было разбито, спрятал трубку и ушел в дом.

Дверь с грохотом захлопнулась. Лицо Фу Мяо помрачнело. Какой ещё Чжан Эргоу? Это позорное имя! Если бы его боевые навыки сохранились, он бы перебил их всех, но сейчас он был слишком слаб. Что ж, разберемся позже.

Люди в доме были глубоко опечалены. Они надеялись, что сын станет опорой в старости, но оказалось, что он каким-то образом узнал, что он приемный, и сердце его не оттаяло. К тому же, из-за его выходок им больше не было места в этой деревне.

— Эх, завтра продадим землю и вернемся на родину, — вздохнул старик. Он и не подозревал, что это решение спасет им жизнь.

Вернемся к Фу Мяо. Хоть боевых навыков у него не было, силы было хоть отбавляй, поэтому он держал в страхе всю деревню. Но сейчас он был мал и идти было некуда. Проведя ночь в пустом сарае, утром он отправился в город.

Там он работал посыльным, просил милостыню, таскал тяжести — брался за любую работу, чтобы купить лекарства для укрепления тела. Он окреп, но не смел практиковать тот фальшивый трактат, поэтому начал с азов, которым его учил Цинь Цзянь. Если бы он знал, где найти учителя, он бы давно отправился к нему. Фу Мяо даже не допускал мысли, что Цинь Цзянь может его не принять — он был так же уверен в своей гениальности, как и в прошлой жизни.

Фу Мяо рос. Он не родился с нефритовым жетоном во рту и не жил жизнью знатного господина. Он привык к тяжелому труду, стал крепким и загорелым. Выйдя из пограничного городка, он понял, что выглядит как белая ворона — манеры и внешность выдавали в нем деревенщину. Ему казалось, что все над ним смеются. Терпел-терпел, но в конце концов не выдержал и полез в драку. Кто бы мог подумать, что он побьет деверя главы местного клана! Вся банда набросилась на него, пытаясь отомстить. Но Фу Мяо был упрям: одного ударил, второго — в ярости он не мог контролировать силу, и вражда с бандой стала лишь глубже.

Против этой мелюзги его навыков хватало, но когда их становилось сотни, он не мог справиться. Ему пришлось бежать на юг, подальше от влияния банды. Спустя год скитаний он наконец добрался до богатого Цзяннаня. Позади никого не было, и он впервые вздохнул с облегчением.

— Скорее, гонки на лодках-драконах начинаются! — толпа шумела и теснила его к реке.

Гонки? Неужели наступил Дуаньбу? Фу Мяо не хотел идти, но толпа вынесла его к берегу. Десятки лодок били в барабаны, люди на берегах кричали от восторга. Настроение Фу Мяо немного улучшилось, но он всё ещё чувствовал себя чужим на этом празднике жизни. Он хотел уйти, как вдруг увидел на каменном мосту две знакомые фигуры. Женщина под зонтом... это была его жена... Юэ-эр... Тинтин... — он бессознательно прошептал их имена, словно путник в пустыне, наконец-то увидевший оазис. Он... наконец-то... нашел их.

Линь Юэ стояла на мосту и смеялась над словами Бэй Тинтин, когда вдруг почувствовала себя неловко. Её передернуло от ощущения чего-то мерзкого, причем странно знакомого. Обернувшись, она встретилась взглядом с чернокожим верзилой. Кто это? Линь Юэ нахмурилась, перебирая память. Она была уверена, что не знает этого человека. Тогда почему этот взгляд? Она присмотрелась и по искаженным чертам лица узнала его — Фу Мяо? Сердце Линь Юэ ушло в пятки.

— Сестра, этот человек такой противный! — Бэй Тинтин подавила желание выколоть ему глаза и встала так, чтобы закрыть его от подруги.

Линь Юэ повернулась к Тинтин и поправила заколку из панциря черепахи, которую сама же вколола ей в день совершеннолетия.

— Не волнуйся, найдутся те, кто с ним разберется, — мягко сказала она. И правда, они были не последними людьми в цзянху, и хотя официально заявили, что не выйдут замуж, молодые герои всё равно увивались вокруг. Стоило им лишь намекнуть, как нашлись бы желающие решить проблему. Просто они не любили прибегать к чужой помощи. Линь Юэ не принимала Фу Мяо всерьез: теперь он был лишь деревенским парнем, и как бы он ни старался, их пути больше не пересекутся.

Но Линь Юэ переоценила Фу Мяо. Как только гонки закончились, она с Тинтин отправилась в свой Постоялый двор «Безымянный». Они уже уселись за стол, как дверь отворилась. Фу Мяо с притворным удивлением произнес:

— Прошу прощения, ошибся комнатой. — Он старался выглядеть изящно, размахивая веером, но на его черном лице это выглядело донельзя комично.

Бэй Тинтин не выдержала и прыснула.

Фу Мяо не понял, чему она смеется, но решил поддержать игру:

— Двум красавицам не осилить такой стол, это было бы расточительством. Давайте выпьем вместе? — Он был уверен в своей неотразимости, а поскольку в прошлой жизни женщины сами вешались ему на шею, он понятия не имел, как знакомиться.

Едва он закончил, как увидел, что Линь Юэ медленно улыбнулась пугающей улыбкой. Из её уст прозвучало ледяное:

— Вон! — Он не мог поверить, что Линь Юэ выгоняет его. Как она смеет!

— Господин, прошу, уходите. Наш постоянный двор не обслуживает вас, — подошли управляющий и слуга, получившие приказ от хозяйки, и начали выталкивать Фу Мяо.

— Не трогайте меня, я сам уйду! — голос Фу Мяо дрожал. Уязвленный в самое сердце, он покинул заведение, но перед уходом бросил на Линь Юэ глубокий взгляд: — Ты пожалеешь! Ты обязательно пожалеешь!

— Сестра, у него что, с головой не в порядке? — Бэй Тинтин проводила его взглядом и скривила губы.

— Не обращай внимания, — Линь Юэ подцепила палочками куриную ножку. — На, Тинтин, твоя любимая.

Бэй Тинтин, вцепившись в ножку, спросила:

— Сестра, а то, что ты отправила Цинь Цина в Си Ся с Ли Шунем, это хорошо?

— У Цинь Цина неплохие навыки, он просто трусоват.

<http://bllate.org/book/21666/2235480>